ПИСЬМА

ВСЕГДА ЛИ МЫ ПРАВИЛЬНО КРИТИКУЕМ СТАЛИНА?

Превращение И. Сталина в фигуру, вызывающую едва ли не наибольшие дебаты в современной России, и не только в России, требует четкого различения трех взаимосвязанных феноменов: «реального социализма», отождествляемого как антикоммунистами, так и ортодоксальными сторонниками этого строя со сталинизмом; Сталина как символа побед и поражений той эпохи; и личности Иосифа Джугашвили.

Это различение принципиально важно, но оно не должно затушевывать и взаимосвязь этих явлений. Личность Джугашвили – далеко не главное в понимании феномена сталинизма, но и абстрагироваться от нее мы не имеем права. Не забывая о том, что Сталин для многих граждан нашей страны был и остается не столько личностью, сколько символом эпохи великих свершений и великих трагедий «реального социализма» 30-х – начала 50-х гг. XX века, понимая, что главные причины трагедий и преступлений сталинизма связаны со всей тогдашней моделью СССР, а не только с лидерством Сталина, – понимая все это, мы не должны забывать и другое. То, что циничная и не гнушающаяся использованием любых средств персона на посту единоличного лидера огромной страны может существенно углубить и без того жесткие противоречия той эпохи. Все это делает анализ личности Джугашвили значимой проблемой не только истории, но и современности.

Не впадая в огульное и вульгарное охаивание нашего прошлого, в том числе периода, когда единоличным лидером страны был Сталин, мы должны быть честны и жестко критичны к тем личным качествам «вождя», которые недопустимы для коммуниста.

Отсюда вытекает важность и принципиальность вопроса о личных качествах Джугашвили. Но это обусловливает и ответственность такой критики, которая должна быть честной и принципиальной, но не оскорблять чувства тех, для кого «Сталин» есть символ эпохи и для кого любая хула в его адрес есть поругание советского прошлого. Здесь мы должны быть не менее деликатны и одновременно бескомпромиссно-принципиальны, нежели в вопросах критики церкви: обличая этот институт и многие фигуры, его персонифицирующие, показывая реакционную природу религии, мы не можем оскорблять искренние чувства верующих.

Поэтому предоставляя страницы своего журнала для публикации критических материалов, посвященных И. В. Сталину, мы должны отдавать себе отчет в важности и одновременно сложности критики этой исторической фигуры. Очевидно – все, что связано с именем Сталина, имеет сегодня колоссальный общественный резонанс. Поэтому любая критика должна быть выверена не только с точки зрения ее

содержания, но и с точки зрения формы подачи материала – иначе намерения публикаторов могут обернуться эффектом, противоположным тому, на который они рассчитывали.

Два основных факта общественной жизни, связанных с именем Сталина, нельзя не принимать во внимание при подготовке любой публикации на подобную тему.

Это, во-первых, давно и устойчиво растущая популярность И. В. Сталина среди самых широких слоев населения весьма различных идейных и политических убеждений.

Во-вторых, это затеянная недавно правыми либерально-консервативными кругами возня вокруг кампании «десталинизации», нацеленная на то, чтобы подвергнуть остракизму все, что связано с советским периодом истории.

Следует ли отсюда, что мы должны воздерживаться от высказывания критического отношения к Сталину, дабы не идти против мнения большинства наших граждан?

Нет, не следует.

Следует ли отсюда, что мы должны воздерживаться от критики Сталина, дабы не играть на руку инициаторам антисоветской и антикоммунистической истерии под флагом «десталинизации»?

Нет, не следует.

Но отсюда следует, что любая такая публикация должна иметь ясную цель, солидное обоснование и убедительную аргументацию. Такая публикация должна вызывать не реакцию слепого отторжения, а помогать задуматься, критически отнестись к прежним догматам, самостоятельно и непредвзято сформировать свою позицию, в том числе и тем сторонникам Сталина, кто способен воспринимать рациональные аргументы. И уж ни в коем случае подобная публикация не должна создавать впечатление, что ее единственная цель – бросить в Сталина очередной комок грязи (желающих сделать это хватает и без нас).

К сожалению, получить совсем не желаемый эффект от критической публикации о Сталине очень легко, если вполне понятные эмоции, вызванные действительными преступлениями Сталина, отодвигают на задний план необходимость комплексного и содержательного научного анализа исторических причин возникновения сталинизма, тех обстоятельств, которые сформировали личность Сталина как политического лидера этого течения. Проблема ведь не в столько в том, чтобы добавить в реестр фактов, известных о Сталине, еще несколько негативных мазков или штрихов, сколько в том, чтобы эти факты – вместе с другими, и вовсе не обязательно только негативными, – укладывались в хорошо обоснованную картину причин и следствий сталинизма.

Давайте взглянем с этой точки зрения на публикацию Зори Серебряковой «Сталин: личные качества имеют значение».

Автор этого текста – доктор исторических наук, человек, не утративший социалистических убеждений, несмотря на все превратности своей судьбы, человек, хорошо знакомый со многими значимыми участниками политической жизни СССР сталинского периода, – заслуживает всяческого уважения.

Однако постановка в центр статьи таких проблем, как, например, вопрос о том, был ли Сталин агентом охранки, уже указывает на не самый удачный выбор автора. Сам по себе этот вопрос уже давно является предметом обсуждения. В одной из своих предшествующих публикаций З. Серебрякова ввела в научный оборот архивный документ, в котором можно усмотреть косвенные свидетельства связи И. В. Сталина с царской охранкой. Нынешняя публикация призвана подкрепить эту версию дополнительными аргументами.

И что же мы получаем в качестве аргументов?

Мемуары Б. Николаевского – без упоминания каких-либо имен и конкретных фактов. Вообще к мемуарам как историческому источнику надо относиться с большой осторожностью, тем более, в том случае, когда известна и предвзятость источника, и его способность выдавать слухи за твердо установленные факты.

Прошение Иосифа Джугашвили об освобождении его из-под ареста под надзор полиции? Да, такое прошение вовсе не красит революционера, но вывод, который делает З. Серебрякова, о том, это было «прошение, всем своим содержанием и самой формой предлагавшее взамен за освобождение из-под ареста любую ответную услугу», не имеет под собой серьезных оснований.

Затем следует повторное изложение архивного документа, известного нам по предшествующей публикации З. Серебряковой на эту тему. Этот документ вполне подтверждает факт встречи Сталина с провокатором Малиновским, но сообщение о сведениях, переданных Сталиным Малиновскому, может толковаться двояким образом. То ли Сталин действительно сообщил Малиновскому об известных ему партийных работниках таким образом, чтобы этими сведениями могла воспользоваться охранка, то ли Малиновский в своем донесении по начальству сам необходимым образом оформил выловленные из разговора со Сталиным штрихи и приметы…

Около двух страниц занимают свидетельства о дружеских отношениях Сталина с Малиновским, о том, что Сталин защищал того от обвинений в провокаторстве. Но с Малиновским был близок не один только Сталин, и от обвинений в связях с охранкой защищал Малиновского, например, и В. И. Ленин. Сталин позднее, в том числе во время суда над Малиновским, никак не афишировал свою прежнюю близость с ним? Это вполне понятно – Сталин очень хорошо улавливал политическую конъюнктуру и умел приспосабливаться к обстановке. Но вот чтобы объявить его агентом охранки, этих известных его качеств совсем не достаточно.

Сталин крайне грубо высказывался о меньшевиках, о Плеханове, допускал антисемитские выпады? Вот уж, что называется, всякое лыко в строку. Эти факты также

новостью не являются, и уж никакого отношения к вопросу о связях с охранкой не имеют.

Разумеется, весьма подозрительно выглядят тесные связи Сталина с уголовными ссыльными и его приятельские отношения с чинами полиции, под надзором которых он находился. Приводится немало и других свидетельств недостойного поведения Сталина в Туруханской ссылке. Однако и это – всего лишь подозрения, но никак не доказательства. Кроме того, они в большинстве своем также основаны на воспоминаниях – а ведь этим воспоминаниям могут быть противопоставлены и другие, рисующие Сталина совсем в ином свете.

И история с «папкой Виссарионова», рассказанная в мемуарах бывшего советского разведчика Орлова, и утверждение о компромате на Сталина, хранившемся в сейфе Ежова, переданное сыном Маленкова со слов своего отца, – все это сведения из третьих рук, не поддающиеся проверке.

Ну, и в заключение статья опять обращается к общеизвестным фактам о развязанном Сталиным «большом терроре».

Итак, что же мы имеем?

Во-первых, факты, не вызывающие сомнения, опирающиеся на документы. Большая часть из них давно известна, некоторые были обнародованы совсем недавно, в том числе усилиями самой Зори Серебряковой. Но они либо вообще не имеют прямого отношения к вопросу о связях Сталина с охранкой, давая характеристику личным качествам Сталина, либо допускают различное толкование.

Во-вторых, длинный ряд мемуарных свидетельств из первых рук. Но они также, в большинстве своем, характеризуют скорее личность Сталина, нежели вопрос о его связях с охранкой. Там же, где утверждения о связях с охранкой присутствуют, они не опираются на упоминание каких-либо конкретных имен (кроме всем известного Малиновского) или фактов. И в любом случае, мемуарные свидетельства нельзя принимать в качестве стопроцентных доказательств без дополнительных подтверждений.

В-третьих, свидетельства из третьих рук – пересказ чьих-то сообщений. Такого рода свидетельства тем более не могут рассматриваться историком как вполне надежные.

В-четвертых, в статье ни единым словом не упоминаются и не анализируются никакие контраргументы ни по одному из заявленных утверждений.

Таким образом, подавляющее большинство текста в статье З. Серебряковой оказывается по своему объективному смыслу ориентировано на характеристику личности Сталина, а не служит доказательству тезиса о его связи с охранкой. При этом многие из высказываемых свидетельств не могут приниматься на веру без дальнейшего критического анализа использованных исторических источников. Поэтому, на мой взгляд, в вопросе о том, был ли Сталин агентом охранки, статья бьет мимо цели.

Другое дело, что статья ценна как некий компендиум действительных свидетельств того, что личные качества И. Джугашвили в предреволюционный период были не просто далеки от тех, что должны быть присущи революционеру, но и во многих случаях прямо противоположны им. Зоря Серебрякова приводит серии свидетельств, в том числе прямых, характеризующих *поступки* Сталина, которые доказывают, что эта персона была способна на циничные действия, приспособленчество, манипулирование, неразборчивость в средствах и готовность идти на все, улавливая политическую конъюнктуру. И это были именно те качества, которые в дальнейшем проявили себя в полной мере, способствуя «разрешению» объективно вызывавших на пути генезиса нового советского общества противоречий при помощи предельно циничных и кровавых средств.

В то же время, статья З. Серебряковой совершенно обходит вопрос о том, почему все эти отрицательные качества Сталина не препятствовали росту его авторитета в большевистской партии. Обходится вопрос о том, почему В. И. Ленин регулярно использовал Сталина для ответственных поручений, вплоть до того, что поддержал его назначение Генеральным секретарем ЦК РКП(б). Обойден вопрос о том, почему именно вокруг Сталина после смерти Ленина сформировалось устойчивое большинство ЦК. Одной лишь хитростью и изворотливостью Сталина эти факты объяснить невозможно – а они требуют объяснения, если мы не хотим оставлять монополию на толкование этих фактов ортодоксальным сталинистам, да и «Краткому курсу истории ВКП (б)», если мы не хотим дискредитировать любые попытки действительно научного критического анализа деятельности и личности Сталина.

Если мы не будем стремиться к целостному анализу реальных противоречий, в том числе – касающихся личности Джугащвили, ставших причиной, с одной стороны, возвышения этой фигуры, а с другой – его диктатуры и преступлений, если мы будем позволять себе только собирательство фактов, то мы добьемся не столько внимания к нашему анализу, сколько реакции отторжения. Такая реакция в особенности возможна со стороны читателя, который не привык (или не хочет) различать действительные достижения советских людей в годы власти Сталина, символический образ Сталина и реальные личностные качества этой персоны, немало способствовавшие тому, что существовавшая первые годы советской власти реальная угроза ее эволюции по авторитарно-бюрократическому пути обернулась чудовищными трагедиями и преступлениями сталинских массовых репрессий, насильственной коллективизации, идеологического диктата…

Колганов А.И.,
д.э.н., член редколлегии журнала «Альтернативы»